

М.А.Бойцов

Неутешный вдовец, или Тяжба со Смертью

Первого августа 1400 г. при родах скончалась некая Маргарета, супруга нотариуса городка Заац в Чешском королевстве. Это событие, само по себе безусловно прискорбное, тотчас же, конечно, без следа кануло бы в Лету, не реши вдруг супруг покойной выразить свою скорбь в весьма причудливой форме.

Ко времени смерти своей жены Йоханнес был уже далеко не юноша — судя по некоторым косвенным данным, его возраст то ли приближался к пятидесяти годам, то ли уже переступил этот рубеж. О жизни его нам мало что известно. Скорее всего, Йоханнес не был уроженцем Зааца. В одном письме он сам себя называет Йоханнесом из Тепла, правда неясным остается, что именно связывало его с Теплом — городком на севере Чехии: родился ли в нем Йоханнес, учился ли он там в детстве или же, скажем, служил в годы молодости.

Образование Йоханнеса не ограничилось провинциальной городской школой — в Тепле или где бы то ни было еще. У него за плечами были годы учебы в университете, принесшие Йоханнесу в конце концов звание магистра. Легко догадаться, что изучал он право, но вот в каком университете — сказать трудно. Некоторые историки склонны видеть в нем выпускника не ближайшей, юной и самой доступной «Каролины» — Пражского университета, — а далекой и солидной Сорбонны. Где бы ни находилась его *alma mater*, ясно, что за обучение самому Йоханнесу или его семье пришлось заплатить немало. Так что предположение о происхождении его из состоятельной верхушки какого-либо небольшого города напрашивается само собой. В роскоши Йоханнес, похоже, не купался, но его должность городского нотариуса должна была приносить приличный доход. Кроме того, власти Зааца разрешили ему вести собственную торговлю и предоставили особое право взимать небольшую пошлину с мясников на городском рынке. Одно время Йоханнес руководил в Зааце латинской школой — косвенное подтверждение того, что он не зря провел годы в университете и

обзавелся немалой (по крайней мере, по масштабам чешской провинции) ученостью.

Спустя 11 лет после кончины Маргареты Йоханнес покинет Заац и переберется не куда-нибудь, а в Прагу, где станет городским писцом в Новом Месте, купит себе участок земли и дом. Вряд ли такая перемена жизненных обстоятельств была бы возможна, не пользуясь Йоханнес определенной известностью за пределами Зааца, а главное, не располагая он полезными связями в столице. Как раз то самое письмо, в котором Йоханнес назвал свою «родину», он отправил земляку — Петеру из Тепля, — очевидно, другу, который как раз недавно стал пражанином. Возможно, что такая земляческая близость сыграла какую-то роль и при переезде Йоханнеса в главный город королевства.

Жизнь в Праге тех лет трудно назвать спокойной: хотя в 1412 г. Ян Гус и был изгнан из города, число его сторонников день ото дня росло, попытки продажи папских индульгенций вызывали серьезные волнения, и все предвещало приближение по-настоящему грозных событий. Какой политической партии в этих условиях симпатизировал Йоханнес — остается не ясным уже хотя бы потому, что мы не знаем наверняка, был ли он по рождению немцем или чехом. Впрочем, вряд ли он испытывал особую симпатию к гусизму: во-первых, в новоместской ратуше, куда Йоханнеса приняли на службу, господствовали «консерваторы» — иначе бы гуситское восстание 1419 г. не началось с дефенестрации коншелов именно Нового Места. Во-вторых, Йоханнес называет «нашим негибким языком¹» немецкий, так что даже если и чех по национальности, он предстает настолько германизированным в культурном плане, что вряд ли мог испытывать глубокое сочувствие к патриотическим лозунгам радикалов, собиравшихся вокруг Яна Гуса. Наконец, в третьих, Йоханнес в одном месте сетует: «все вещи перевернулись: заднее вышло вперед, а переднее ушло назад, низшее пошло в гору, а высшее спускается вниз, и очень много народа злое превратили в правильное, а правильное — в злое»², — но изрекать такого рода сентенции как раз тогда, когда в обществе явно зреет мятежный дух, свойственно скорее защитникам основ, нежели их ниспровергателям. Впрочем, до настоящего взрыва гуситской

«революции», совершенно преобразившей Чехию, Йоханнесу дожить не довелось: он скончался примерно в шестидесятипятилетнем возрасте между 1413 и 1415 гг.

Вернемся примерно на полтора десятка лет вспять от этой неточной даты — в то тяжелое для Йоханнеса время, когда он потерял свою жену Маргарет. Ее внезапная кончина стала причиной жестокого спора, затеянного Йоханнесом из Тепля не с кем-нибудь... а с самой Смертью. Дело в том, что горе нотариуса выразилось в необычном произведении, вышедшем из-под его пера вероятнее всего в 1401 г. или, может быть, годом или двумя позже, — сочинении, в котором он осмелился призвать Смерть к ответу за совершенное ею злодеяние — убийство его жены.

Этот текст построен как весьма эмоциональный диалог между персонифицированной Смертью и литературным воплощением автора — «Пахарем, живущим в богемских землях». «Плуг» этого «Пахаря» сделан, впрочем, как он сам говорит, «из птичьего одеяния»: то есть, он «пашет» не настоящим плугом, а пером. Автор хочет сказать, что он — труженик, в поте лица зарабатывающий нелегкий хлеб, но трудом отнюдь не грубым, а, как мы бы сейчас сказали, «интеллектуальным».

Открывается трактат Йоханнеса из Тепля громогласным, гневным и многословным проклятием Смерти. Самая первая строка своим грозным чеканным ритмом удивительно напоминает мелодику древнегерманского аллитерационного стиха: «Grimmiger tilger aller leute, schedlicher echter aller werlte, freissamer morder aller menschen, ir Tot, euch sei verfluchtet!». (Свирепый губитель всех людей, гнусный ненавистник всего мира, преступный убийца всех человеков будьте вы, Смерть, прокляты!) «Пахарь» призывает небо, землю, солнце, луну, звезды, море, воды, горы, поля, долины, лощины, пучину преисподней, — короче, все, что только обладает жизнью и бытием, навечно проклясть Смерть. Пускай она утонет в злобе, пускай исчезнет в жалчайшей нищете и да пребудет она на все будущие времена в самой тяжелой и несмягчаемой опале у Бога, всех людей и всякой твари... «И я, и весь род человеческий крикнем, заламывая руки: "Схватить ее!"». Последнее восклицание

— по-немецки «Zeter!» — имеет вполне определенное правовое значение. Им открывается преследование преступника, застигнутого с поличным. Крикнувший «Zeter!» взывает к властям и правосудию и по сути дела начинает формальный процесс обвинения. Наказание, требуемое истцом, собственно, уже сформулировано чуть выше, хоть и несколько туманно. Это та самая «тяжелейшая опала» (schwerste acht), которая ставит подвергнутое ей лицо вне закона — на самую грань существования. На последующих страницах Пахарь грозит Смерти и другими наказаниями: требует то заковать ее в кандалы, то истереть в порошок, то предать в руки палачу, то заточить в Преисподней, где убитые ею некогда души уж смогут сами свести с ней свои счета, то попросту ее уничтожить... В сущности, он ищет смерти для Смерти.

Столь яростное обвинение и страстный призыв к правосудию не оставляет Смерть безразличной — она откликается тотчас же, но с холодным презрением и без соблюдения юридических формулировок: «Послушайте, послушайте, послушайте, что за новое диво! Жестокие и неслыханные жалобы обрушены на нас³. Только откуда они идут, остается нам пока непонятно. Впрочем, угрозы, проклятия, крики «Схватить!», ломания рук и любые иные нападки до сих пор нисколько не вредили нам». Тем не менее, Смерть склонна выслушать жалобщика. «И все же, сын, кто ты? объявись и огласи, что за горе мы тебе причинили, отчего ты обращаешься к нам образом столь непристойным, к каковому мы до сих пор не были привычны⁴...». (Позже Смерть признается, что никто и никогда не нападал на нее столь яростно: ни тогда, когда она лишила Александра власти над миром, ни когда отняла у Трои Париса, а у Греции — Елену, ни когда забрала императора Карла и Дитриха Бернского, или даже Аристотеля и Авиценну, о которых столь сожалеют нынче; что же до царей Давида и Соломона, то за их кончину Смерть, якобы, даже скорее хвалили, нежели поносили)⁵.

Зато Смерть грозно предупреждает своего обвинителя, как бы ему не пришлось каяться в своей дерзости. «И не грезь о том, чтобы тебе когда-либо удалось ослабить нашу великую и могущественную власть!⁶» Тем не менее, пусть обвинитель назовет себя и объяснит, «в каком это деле тебе от нас было

причинено столь ужасное злодеяние?! Мы желаем оправдаться перед тобой... мы не знаем, из-за чего ты нас столь нагло очерняешь⁷».

Здесь самое время несколько прояснить отношения между спорящими сторонами. Прежде всего, даже на уровне речевых формул видна разница в их положении. «Пахарь» говорит о себе в единственном числе — «я», а Смерть — во множественном: «мы». «Пахарь», даже проклиная, обращается к смерти только на «вы», а зато она к нему только свысока на «ты». Ответчик, очевидно, куда более «общественно весомая» фигура: он обладает властью, а истец — нет. И еще одна очень существенная деталь, которую трудно передать в переводе: в немецком языке слово «смерть» (Tod) — мужского рода, оттого и иконографический, и литературный облик смерти в немецкой культуре существенно отличается от образа смерти в культуре русской, притом уже на уровне базовых метафор и ассоциаций. Например, частый в немецкой графике сюжет «Смерть и девушка» немецким зрителем «прочитывается» с коннотациями эротического свойства, которые вряд ли возникнут у зрителя русского.

Итак, «лирический герой» Йоханнеса из Тепла отчаянно бросается в спор с лицом, стоящим неизмеримо выше его — с «господином Смертью» (Herr Tod), — а точнее говоря, с князем Смертью. Однажды Смерть даже называет свой титул: «Мы, Смерть, государь и правитель на земле, в воздухе и в морских потоках»⁸. Но, как и положено при «развитом феодализме», над всяким государем есть еще высший государь, и при необходимости к его заступничеству может попытаться прибегнуть обиженный. По сути дела именно такую апелляцию и приносит Пахарь, взывая к высшему сеньору — «небесному графу» (himelgrave)⁹; «могущественному герцогу всего мира» (mechtig aller werlte herzog)¹⁰, «князю небесной свиты»¹¹, «государю выси и князю многого блаженства»¹² и даже — очень по-немецки — «курфюрсту»¹³. В «феодальном» сознании автора Смерть предстает ленником Бога (как, впрочем, и сам «Пахарь»). Смерть также, в свою очередь, не отрицает «ленного» характера своей власти. И соответственно, хотя на протяжении почти всего произведения мы слышим голоса только самих участников тяжбы, между строк

подразумевается, что стороны состязаются под пристальным взором судии, пускай и невидимого. К нему то и дело взывает Пахарь, требуя отмщения за ущерб, нанесенный Смертью. Смерть, напротив, на протяжении всего спора обращается только к истцу, но все же в самой последней своей фразе не только тоже призывает Бога в свидетели своей правоты, но и более того, предлагает Пахарю действительно предстать перед Ним: «И поскольку я дал тебе правильный совет, отправимся с тобой к Богу, Вечному, Великому и Могучему»¹⁴.

Смерть, похоже, — князь не из худших. При всем сознании своего величия Смерть не игнорирует жалкого в своей ярости истца, но соглашается принять участие если и не в настоящем процессе по всем правилам, то в неформализованном разбирательстве с тем, чтобы оправдаться от обвинений, пускай и кажущихся ей (ему) беспочвенными. Смерть вообще-то даже не припомнит, чтобы ей приходилось за последнее время совершать «что-либо окончательное» в чешских землях, из-за чего могли возникнуть столь страшные обвинения. Вот разве что она оказала свою милость одной честной и благословенной дочери — чистосердечной, услужливой, верной, правдивой и доброй ко всем людям. Та была порядочной и беспорочной. Смерть знает ее хорошо, потому что присутствовала еще при ее рождении (намек на то, что мать Маргареты умерла при родах, как впоследствии и сама Маргарета?). «Столь кроткие и постоянные [женщины] воистину редко попадали к нам в руки. Должно быть это она — та, которую ты имеешь в виду, — других мы не ведаем»¹⁵.

Упоминание Смертью Маргареты в столь лестной тональности вызывает подлинный взрыв чувств у вдовца. Он без остановки именует свою возлюбленную (amye) «щитом мира от бедствий» (frideschilt vor vngemach), «вещей лозой»¹⁶ (warsagende wunschelrute), «светлой звездой на небе» (и особо еще «сияющей утренней звездой»), «солнцем блага», «гордым знаменем радости», «твердым бриллиантом», «посохом странника, указывающим путь к омолаживающему источнику юности». Звезда исчезла, солнце навсегда закатилось, бриллиант разбит, посох безжалостно вырван из рук, знамя поникло.

Ничто не сможет впредь доставить «Пахарю» истинной радости, перед его глазами — темная ночь, нет у него лекарства от скорби, заказана ему дорога к источнику молодости. Из самой глубины своего сердца вновь взывает Пахарь: «Схватить! К оружию!» И потом кричит уже самой Смерти: «Умрите, вы, запятнанный пороками, гнусный, недостойный, скрежещущий зубами, — и воняйте в преисподней. Да заберет Бог вашу власть и да рассеет вас в пыль!»

Эти страстные речи не производят на Смерть никакого впечатления. Смерть хочет доказать Пахарю, что «слуга останется слугой, а господин — господином». Смерть справедлива. Как солнце, равно светящее над добрым и злым, смерть держит в своей власти и добро и зло. Все подчиняются Смерти — даже колдуны и врачи, вроде бы способные продлевать жизнь. «Или, может быть, мы должны оставлять людей жить, руководствуясь чувствами вражды, любви или сострадания? Тогда все мировое царство было бы нашим: все короли возложили бы короны на нашу голову, а свои скипетры отдали в нашу руку, в нашей власти оказался бы и престол папы вместе с его трижды коронованной митрой»¹⁷.

От смерти не может защитить ни знание семи свободных искусств (каждое названо особо), ни владение еще дюжиной дисциплин, большинство среди которых Смерть отводит разным способам предвидения (астрология, геомантия, гидромантия, хиромантия, нигромантия, экзотические педомантия и орномантия, а также ауспиции и «знаковое искусство»). В этом списке, выдающем начитанность Йоханнеса из Тепла в античной литературе, есть, правда, и более привычные науки: философия, физика и юриспруденция. Физика, впрочем, трактуется, кажется, скорее как фармакология («физика, с ее порой помогающими напитками»¹⁸). Обращает на себя внимание не слишком почтительная оценка Смертью юриста — типажа, который должен был быть Йоханнесу ближе всего: «и юрист — христианин без совести — тут не поможет со своими доводами права и несправия, со своими кривыми приговорами»¹⁹. Первая часть этого суждения построена в рифму (Juriste, der gewissenlos criste) и судя по всему, взята из народного языка. (Кстати говоря, таких «неофициальных» выражений в диалоге немало).

Если Смерть утверждает, что поступает справедливо, то «Пахарь» как раз в этом-то в первую очередь и сомневается.

«Вы говорите, что ваша коса срезает ровно. Почему же получается, что она оставляет нетронутыми куда больше чертополоха, чем добрых цветов, больше куриной слепоты, чем ромашек, больше злых людей, чем добрых? Назовите мне, покажите мне пальцем, где те порядочные, достойные уважения люди, что были в прошлые времена? Я рыдаю: вы взяли их. Среди них также и моя любовь — только прах и остался. Куда они делись — те, кто жили на земле, но беседовали с Богом, получая от него благосклонность, милость и богатство? Куда они делись — те, что сидели на земле, но парили среди звезд и определяли ход планет? Куда они делись — умные, умелые, справедливые, крепкие люди, о которых так много говорится в хрониках? Вы их всех поубивали — и мою нежную тоже. Но зато все подлецы всё еще здесь. Кто в этом виноват? Если вы осмелитесь признать правду, господин Смерть, вам придется указать на самого себя». И далее в доказательство «кривосудия» Смерти «Пахарь» пересказывает сцену, свидетелем которой Йоханнес, возможно, был на самом деле. Два «огромных» войска (всего-то по три тысячи человек с небольшим каждое) сошлись на зеленом лугу и бились так, что крови было по щиколотку. Смерть лютовала везде. Она кого-то сражала, а кого-то щадила. И что же оказалось в итоге? «Я увидел, что убитыми лежало куда больше господ, чем слуг. Так отбирали вы одного из многих, словно мягкие груши. И это правильно скошено? И это справедливый суд? И вот так-то ровно взмахивает ваша коса?²⁰» Вывод ясен — Смерть неправильно распоряжается судебными полномочиями, полученными ею от Бога. Следовательно, полномочия следует у нее отнять, а ей самой отомстить. «Осуди, господь, по справедливости неправедного судию!²¹»

Насколько речь «Пахаря» (особенно на первых порах) воспроизводит сплошной поток возмущенного сознания, настолько же Смерть рассуждает с презрением, издевкой и холодной логикой, то и дело упрекая своего собеседника в неразумии. Смерть говорит то несколько высокопарно, что ее собеседник «не пил из источника мудрости»²², а то, снижая стилевой регистр почти до площадного, что он — «умный осел»²³, «бестолковый щенок»²⁴, болван (Тор),

«мудрый парень из Ослиной деревни»²⁵, «тупой прыщ»²⁶, и столь же способен постичь истину, как осел — сыграть на лире²⁷.

Смерть отвергает все обвинения в том, что забирает не тех, кого следовало бы: она по справедливости разит всех подряд. Слушать жалобы Пахаря о юности Маргареты Смерть не желает. «С ней обошлись по добру и с милосердием: в радостной молодости, в цветущем теле, в лучшие дни жизни, при наибольшем уважении, в лучшее время, при незапятнанной чести, оказали мы ей нашу милость»²⁸. «Горе и беда тому, кто перегружен бременем возраста. При всем своем богатстве он остается беден!»²⁹ Ведь дожить до преклонного возраста — вовсе не подарок: перезревшие яблоки часто падают в навоз, перезревшие груши часто шлепаются в лужу.

Смерть — последовательный скептик, проникнутый духом христианского стоицизма. Все, что восхваляет в своих взволнованных речах «Пахарь», смерть холодно отрицает.

Молодость — призрачна: как только человек начинает жить — он уже достаточно стар, чтобы умереть³⁰.

Оплакивать погибшую красоту — пустое ребячество. «Красу любого человека погубит либо возраст, либо смерть. Всем розовым ротикам придется стать пепельного цвета, всем красным щечкам придется побледнеть, все светлым глазкам придется потемнеть»³¹. Смерть ссылается почему-то на Гермеса Мудрого (Трисмегиста), учившего, что мужчина должен опасаться красивых женщин. В самом деле, прекрасное трудно удержать за собой среди повседневных забот, поскольку все кругом стремятся им овладеть. (Впрочем, и обладать уродливым нет никакого удовольствия, поскольку оно всех отпугивает).

Женская красота — особенно эфемерна. «Сними с самой красивой женщины украшения портного, и ты увидишь постыдную куклу, быстро вянувший цветок, недолговечный блеск и быстро распадающийся комок земли. Если ты мне покажешь хоть пригоршню красоты всех красивых женщин, которые жили сто лет назад (за исключением того, что изображено на стене), ты

будешь достоин императорской короны!.. Позволь Рейну течь, как текут прочие реки...»³².

Вообще к женщине стоит относиться прохладней: если бы «Пахарь» поменьше любил свою Маргарету, он теперь меньше бы испытывал мучений. «Женщина, ребенок, богатство и все земные блага могут принести больше радости в начале и больше страдания в конце; всей земной любви предстоит обернуться страданием: страдание — это конец любви»³³.

Брак является тяжелой обузой. «Как только мужчина берет женщину, они тотчас же оказываются в нашем плену. В тот же момент он [мужчина] приобретает обязанность, обузу, ... ярмо, заботу, бремя, тяжкую поклажу, мучение, ежедневное пиление ржавым напильником, от которого он, в соответствии с правом, никогда не сможет избавиться, покуда мы не окажем ему нашу милость. Женатый мужчина имеет каждый день в своем доме грозу и град, держит там лис и змей. Женщина все дни грезит о том, чтобы стать мужчиной: если он тянет вверх — она тянет вниз; если он хочет это — она хочет то, если он хочет сюда — она хочет туда: все дни приходится ему до упаду играть в эту игру без выигрыша. Обманывать, хитрить, льстить, говорить небылицы, ласкать, ворчать, смеяться, плакать она может в один и тот же миг — у нее это врожденное. Больная для работы, здоровая для наслаждений, а к тому же ручная или дикая, когда ей понадобится»³⁴. Женившись, мужчины должен нести тяжкое бремя каждый день, каждую неделю, каждый месяц и каждый год. «И это еще не говоря о ночных хлопотах, поминать которые мы стыдимся в силу нашего возраста»³⁵.

На очернение Смертью прекрасного пола «Пахарь» отвечает длинной сентенцией во славу «порядочных женщин», ссылаясь на каких-то «мудрых магистров». «Иметь жену и детей — отнюдь не самая малая часть земного счастья», «не может быть мужской воспитанности, если она не направляется воспитанностью женской», «воспитанная, красивая, целомудренная женщина, с незапятнанной честью — превыше всех иных земных прелестей». Дальнейшие похвалы женщинам автор черпает уже из миннезанга, и, соответственно, его «Пахарь пером» вдруг начинает тоном знатока и ценителя говорить о княжеских

дворах, турнирах и походах, где женщины — лучше всего. Следуют весьма куртуазные суждения, как, например, «тот, кто на службе у дамы, должен воздерживаться от всех недостойных деяний» или «грозя пальцем, чистая дама наказывает и воспитывает добродетельного мужчину больше, чем все оружие на свете». Короче, «весь мир держится, множится и укрепляется благородными женщинами»³⁶. Но, конечно, бывают и иные женщины, подобно тому, как рядом с золотом есть свинец, рядом с пшеницей — сорный куколь, а среди монет встречаются поддельные. Тем не менее добрые не должны платить за злых...

Однако скептицизм Смерти распространяется вовсе не на одну лишь прекрасную половину человечества — он куда шире. Ведь что это такое вообще — человек? «Человек зачинается в грехе, питается в материнском теле грязными и омерзительными нечистотами, рождается нагим и перепачканным, как улей; он весь — отбросы, бочка с калом, корм для червей, сосуд зловония, отвратительная лохань с грязной водой, гнилая падаль, заплесневевшая кубышка, бездонный мешок, дырявый карман, пустой мех, жадная глотка, воняющий кувшин с мочой, тошнотворное ведро, обманчивая кукла, глиняная хибара, ненасытное корыто и нарисованный погребальный портрет». Из всех девяти отверстий его тела истекают такие нечистые и отвратительные помои, что более нечистого вообще ничего быть не может»³⁷.

Последняя сентенция (стилем предвосхищающая Рабле) тоже вызывает бурный протест «Пахаря». «Фу, вы, злой срамник! Как вы уничтожаете, унижаете, бесчестите благородного человека, любимейшее творение Бога — и этим самым срамите самого Бога!» Далее следует прославление человека, призванного править зверями на суше, птицами на небе, рыбами в море и даже плодами на земле. Особенно проникновенные слова находит «Пахарь» для человеческой головы — этого «столь искусного маленького шара»³⁸. Йоханнес по отдельности описывает достоинства ушей, носа, зубов, языка... Из глубины сердца в голову приходят мысли, которые могут простираться так далеко, как только человек захочет — вплоть до Бога «и даже сверх того»³⁹.

Дискуссия между «Пахарем» и «Смертью» по вопросу «о достоинстве человека» естественно отзывается в уже весьма многочисленных исследованиях

о произведении Йоханнеса из Тепла рассуждениями о дуновениях гуманизма, вроде бы уже достигших холмов Северной Чехии. Ученый соблазн представить Смерть выразителем «средневекового церковного мировидения» в противовес новому «ренессансному» пониманию человека, воплощаемому «Пахарем», весьма велик. При этом мало обращается внимания, что «позитивная» оценка человеческого естества является отнюдь не менее «средневековой» по своему происхождению, чем оценка «негативная». «Оптимистический» взгляд на человека укоренен в Библии и основывается в первую очередь на тезисе о сотворении его «по образу и подобию Божию». Соответственно, усматривать в человеке отсвет божественного величия было отнюдь не менее, а пожалуй, и более канонично, чем видеть в нем только мешок с костями и нечистотами. Немало примеров позитивного отношения к человеку и к его предназначению можно встретить у вполне церковных авторов задолго до первых проблесков «зари Возрождения».

В этой «мировоззренческой» части диалога спорщики столь же малооригинальны, как и в своих оценках брака, семейной жизни и женщин. Йоханнес из Тепла явно многое заимствовал из популярной литературы своего времени: «диалогов» между Жизнью и Смертью, «судебных процессов», затевавшихся Сатаной против Бога из-за «похищения» души, вроде бы заведомо предназначенной для ада, полушутливых (но и полусерьезных) споров о радостях или тягостях брака и прочей литературной продукции такого рода. И тем не менее, сквозь многочисленные клише и общие места просматриваются некоторые личные установки автора, детали его персональной оценки и ситуации, в которой он оказался, и своего возможного образа действий далее.

И в самом деле, теперь «Пахаря» из-за внезапной утраты супруги «гонит ветер» — его «несет через стремительный морской поток», и его «якорю не за что зацепиться». Злой поступок Смерти отнял у него все. Чему ему теперь радоваться? Где искать утешения? Где найти прибежище? Где найти исцеление? Где получить верный совет?⁴⁰

Однако что мы можем узнать из скорбных выкриков и ученых рассуждений «Пахаря» о безвременно почившей Маргарете, помимо того, что

она была «светлым летним цветком» на лугу его сердца⁴¹, избранной горлинкой⁴², загляденьем⁴³ и даже «честным соколом»⁴⁴? Вообще-то очень мало. Маргарета — особа «благородного рождения»⁴⁵ (что еще вовсе не означает принадлежности к дворянскому роду), «очень честная, красивая, порядочная и превосходящая всех подруг, правдивая и порядочная в словах, невинная телом, добрая и веселая в обращении»⁴⁶. «Пахарь» слишком слаб, чтобы перечислять далее добродетели покойной, тем более что Смерть и так о них все знает. Нет никаких подробностей о внешности Маргареты. Автор даже мельком не упоминает ни пухленьких ярких губ, ни белокурых волос, ни сияющего взора голубых глаз, ни цветущих щек, ни стройного стана, ни высокой груди, ни белой кожи, ни изящных рук, — а между тем, поэзия миннезанга (явно неплохо известная Йоханесу из Тепля) уже успела выработать длинный каталог стереотипных приемов для описания красавиц. Не прибегая к таким клише, Йоханнес не предлагает, тем более, и ничего собственного, оригинального. Он хранит полное молчание о голосе и манере разговаривать своей жены, о ее привычках и забавах, о ее суждениях и шутках. Короче — ни единой внешней особенности, ни «подлинно индивидуальной» (то есть, сознательно «изобретенной» для описания этого и именно этого существа), ни «псевдоиндивидуальной» (выраженной посредством «чужих» штампов).

Но вот о нраве Маргареты из lamentаций «Пахаря» можно получить некоторое впечатление. Судя по его высказываниям, она отличалась покладистостью, послушанием и достойным выполнением всех видов супружеского долга. С ней были коротки и веселы как дни, так и ночи — в равной степени исполненные радости и удовольствий⁴⁷. И все же более всего в своей Маргарете автор ценит ее порядочность и супружескую верность. С ней не нужно было испытывать никакого беспокойства, она была чиста и целомудренна, честь ее ничем не запятнана, даже в малейшей степени! Последний мотив звучит во всем сочинении с такой назойливостью, что искушенный в источниковедческой критике историк может даже невзначай усомниться в добродетельности Маргареты — не стремится ли автор оправдать ее посмертно от каких-либо наветов или защитить от порочащих слухов?

Однако, такое профессиональное недоверие в данном случае скорее всего излишне — вполне логично, что далеко уже не юный, хотя и крепкий бургер, занимающий видное место в городской общине, хвалит свою существенно более молодую жену за скромность нрава более, нежели за многое иное.

Тем не менее сама такая оценочная установка наводит на некоторые размышления. Во всех описаниях «Пахаря» Маргарета предстает не «сама по себе», а только в связи с рассказчиком. Это *его* покой и *его* счастье она так удачно поддерживала и создавала, *ему* доставляла радость, *его* честь хранила, будучи скромной и целомудренной. Пройдясь по всем описаниям качеств Маргареты, мы убедимся, что ее личность представлена автором — прямо и просто — только как производная от его собственной личности. Ведь и страдание «Пахаря» заключается по сути дела именно в том, что он утратил свое весьма комфортное и ранее столь его устраивавшее состояние. Конечно, трудно утверждать, что его «подлинные» эмоции действительно были столь «эгоистичны», как они могут показаться с позиций нынешней морали. Однако форма их словесного выражения (индивидуальная или стандартная — в данном случае не так важно) была настроена именно на *такую* передачу горя утраты. Какую ценность представляла для «Пахаря» личность Маргареты, сказать на основании разбираемого сочинения трудно, но вот горько оплакивает он, по сути дела, ни что иное как исчезнувшие оптимальные условия для собственного существования, создававшиеся ему ранее Маргаретой.

Ощущение потери доброй супруги как ухудшения собственного статуса угадывается, похоже, во многих местах диалога, — например, там, где автор сожалеет, что он теперь — вдовец, а дети его — сироты. Другой сочинитель из иной эпохи не преминул бы, наверное, ярко расписать, как детям, вынужденным расти без матери, будет недоставать ласки и эмоционального общения. Для «Пахаря» психологические проблемы в данном случае либо малозначимы, либо же всецело подчинены проблемам социальным. Всего дважды упоминает он о детях, и оба раза совершенно не склонен жаловаться на ущерб, нанесенный Смертью их внутреннему миру. Он привлекает Смерть к ответу лишь за «неполноценную социальность» его детей, за то что они теперь — *сироты*,

точно так же, как и сам «Пахарь» отныне не глава «полного» семейства, а — *вдовец*.

Кстати, сколько осталось сирот? У Йоханнеса из Тепля детей было, вроде бы, пятеро. Если они все — от Маргареты, то его описание молодой жены, превосходящей качествами «подруг по играм», несколько настораживает. Или же Маргарета была не первой женой «Пахаря», что вполне возможно, учитывая немолодой возраст Йоханнеса? Стоит лишь допустить последнее предположение, как юная Маргарета окажется мачехой; правда, если довериться характеристикам, выданным ей «Пахарем», покойная не должна была походить на злую мачеху из сказок.

Упоминание «источника молодости», как, впрочем, и ожидающего теперь одиночества (несмотря на наличие пятерых детей), заставляют думать, что размышления по поводу собственного возраста и соответствующей корректировки жизненной и семейной стратегии также значили весьма много в той картине личной трагедии, что рисуется нам в строках богемского «Пахаря». «Пахарь» задает себе вопрос: «Каким образом строить мне теперь жизнь?»⁴⁸ — и видит два возможных пути — «оба они мне открыты»⁴⁹. Первый — продолжать жить в миру, а второй — принять духовное звание. «Пахарь» колеблется: рассматривая образ жизни известных ему людей, как мирских, так и духовных, он видит, что и у тех, и у других он несовершенен, ущербен и исполнен греха⁵⁰.

Последующие рассуждения «Пахаря» оставляют впечатление, что выбор между светским и духовным статусом для него сводится только к одному противопоставлению: жизни в браке или в безбрачии. Во всяком случае, единственно эти особенности того или другого «пути» всерьез занимают «Пахаря». Очевидно, что жизнь «мирская» для него синонимична жизни в браке. Оставаясь мирянином, он должен вскоре снова жениться. «Если бы я знал, что в будущем браке мне так же повезет, как в предыдущем, то я хотел бы жить в нем, пока жива моя жизнь»⁵¹. Иначе говоря, если бы «Пахарь» был уверен, что житейские условия в новом браке будут для него столь же комфортны, как были после женитьбы на Маргарет, он бы тотчас подыскал себе новую супругу. Автор очень хвалит брак — при условии, конечно, что Господь пошлет «чистую

подругу по постели» (reine Bettgenossin). Тот, кому так повезло с женитьбой, должен день за днем, вздымая очи к небу, благодарить с поднятыми руками» Всевышнего⁵².

Однако «Пахаря» мучают опасения, и притом настолько сильные, что он даже готов оставить мирское существование. У него есть, очевидно, серьезные основания воспринимать то состояние комфорта, которое принесла ему Маргарет в качестве счастливого исключения. Намеки на «норму» разбросаны по всему тексту — она состоит прежде всего в неверности жены (надо полагать, молодой) своему мужу (надо полагать, немолодому, но очень уважаемому в обществе). Такая «норма» должна особенно беспокоить именно такого человека как Йоханнес, для которого собственный общественный статус значил слишком много, чтобы делать его игрушкой в руках юной и легкомысленной жены.

«Инструментальный» подход «Пахаря» к спутнице жизни был замечен, собственно, и Смертью. Бесконечные lamentации «пахаря» на ту тему, что все его счастье заключалось в Маргарете и теперь навеки потеряно, Смерть понимает на свой лад: «Если по твоему мнению, все счастье в женщинах, то мы советуем тебе и впредь испытывать счастье». Ведь весь вопрос заключается лишь в том, нашел ли «Пахарь» свою жену уже изначально полной всяческих достоинств, или же он сам сделал ее таковой? Если нашел, — то пусть поищет снова, и возможно, вновь будет успешен, а если сам ее воспитал, то пусть радуется: он — настоящий мастер, которому ничто не мешает и впредь воспитывать достойных жен⁵³. Разумеется, Йоханнес из Тепла стремится представить здесь Смерть особенно циничной, но по сути дела он лишь окрашивает цинизмом установку, разделяемую и «Пахарем»: важна не столько индивидуальная личность покойной, сколько образцовость выполнения ею социальных обязанностей. Оплакивается, собственно говоря, не личность, а социальный образец, который вот, вроде бы, уже был достигнут, и вдруг тотчас же совершенно неожиданно исчез.

Наверное, такая установка должна способствовать быстрому заживлению душевных ран — или, по крайней мере, некоторых из них. Во всяком случае автор с немалой психологической достоверностью показывает, как в ходе

дискуссии со Смертью постепенно снижается тон «Пахаря». Разумеется, Йоханнес хочет намекнуть, что «Пахарь» как истинный христианин должен обуздать свои эмоции, осознав, что все вершится по воле Господа, а Его решения следует принимать со смирением. Однако дело не только в требованиях жанра и композиции: сам выбор их, сам общий замысел произведения позволяет ощутить характер собственного психологического опыта автора, его личного пути от протеста к примирению с потерей.

Под воздействием холодных аргументов Смерти «Пахарь» начинает сбиваться со своего неистового обличительного тона. Требование смерти для Смерти постепенно сменяется более умеренными претензиями. Теперь «Пахарь» желает... компенсации за причиненный ущерб. Обвинитель даже спрашивает у Смерти, как вассал у сеньора, не провинился ли он чем-либо, не совершил ли чего-либо недостойного против Смерти. Если да, то пусть Смерть скажет об этом, и «Пахарь» предоставит возмещение, а если же нет, то пусть возмещение «Пахарю» и его детям, наоборот, дает Смерть⁵⁴. О какого рода компенсации говорит «Пахарь»? Он желает воскресить умершую?

На эти перепевы ленного права Смерть отвечает не без вполне обоснованного скепсиса: «Если ты можешь вернуть прошедшие годы, сказанные слова и утраченную девственность, то ты сможешь вернуть назад и мать твоим детям»⁵⁵.

В конце концов от обвинений и требований «Пахарь» приходит к тому, что начинает просить у Смерти совета и даже утешения. «Посоветуйте, помогите и укажите, как я могу прекратить столь сильное страдание моего сердца, и как я могу заменить моим детям столь чистую мать? Ведь Вы должны мне оказать помощь, дать совет и восполнить ущерб, ведь Вы же нанесли мне ущерб»⁵⁶. И хотя приступы горя и возмущения порой снова накатывают на «Пахаря», его психологическое скольжение от бурного гнева к тихой печали очевидно.

При внимательном чтении текста можно догадаться, какой именно «компенсации» требует себе «Пахарь». Из сопоставления рассуждений о пользе и вреде брака, из похвал Маргарете и осуждении неких иных женщин, из раздумий на развилке откуда один путь ведет далее в жизнь мирскую, а другой

— в монастырь, вырисовывается общая картина. Если бы получилось так, что «Пахарю» вскоре удалось жениться на столь же добродетельной даме, какой была Маргарета, он бы, похоже, сумел утешиться... Стоит лишь проникнуться этой мыслью и перечитать заново труд Йоханнеса из Тепла, как его произведение сразу же приобретет новый смысл. Вместо горя по почившей супруге на первый план выйдет хорошо замаскированное моление о ниспослании супруги новой, но не первой попавшейся, а столь же добродетельной, как и умершая.

В конце концов Смерть собственноручно приводит «Пахаря» пред лик Господа и тот, действительно, произносит свой приговор, также несущий на себе заметный отпечаток ленного права: «Истец оплакивает свою потерю, как будто это его наследственное владение, он не думает, что получил его в лен от нас. Смерть славит свою власть, которую однако только от нас и держит. Один оплакивает не свое, другой прославляет власть, которой он обладает не сам от себя. Однако вы славно спорили: одного его страдание заставило жаловаться, другого же натиск истца заставил говорить правду. А потому истец — тебе честь! А тебе, Смерть — победа! Всякий человек обязан отдать Смерти свою жизнь, свое тело — земле, а душу — Нам».

Итак, Смерть — победитель в судебном процессе. Но ведь холодный и порой просто циничный голос Смерти — это тоже не что иное как голос Йоханнеса из Тепла. Мысли, вложенные в уста Смерти — это мысли, приходившие и в его голову — будь то соображения о неизбежной справедливости приговора, о грязном ничтожестве человеческого существования, о презренности женщин или о бессмысленных тяготах брака. Всем этим позициям было отведено свое место в сознании автора, хотя он вполне мог противопоставить им и иные суждения. Однако самое главное, сам «проигрыш» процесса был с самого начала запланирован, чему полностью соответствует и очевидная во многих местах слабость аргументации истца, и, естественно, изначально победно-высокомерный тон Смерти. Попытка привлечь смерть к ответу даже в литературном пространстве с самого не могла иметь

шансов на успех — и сочинитель был с этим в глубине души с первой же минуты всецело согласен.

Последняя — 34-я — глава сочинения Йоханнеса из Тепла — это молитва «Пахаря» о душе его покойной супруги. Больше двух ее страниц заполнены сплошной чередой обращений к Господу, где автор, кажется, стремился исчерпать все известные ему образы и сравнения, подходящие для обращения к Богу. Суть его моления выражена несколькими проникновенными строками: «прими милостиво ее дух, прими с добротой душу моей возлюбленной супруги! Дай ей вечный покой, укрепи ее своим милосердием, возьми ее в тень своего крыла!... Позволь, Господи, — тот, от кого она пришла, — пребывать в царствии Твоем среди вечных, блаженных духов!

Я страдаю о Маргарете, моей избраннейшей супруге. Позволь ей, милостивый Господь, вечно лицезреть себя в могущественнейшем и вечном зеркале Твоей божественности, из которого получают свой свет все ангельские хоры — и радоваться!⁵⁷»

Мы не знаем, утихли ли со временем страдания «Пахаря», или он испытывал их до конца дней своих: «Если большая сердечная любовь превратилась в большую сердечную муку, кто может это так быстро позабыть? Злые люди могут такое. Добрые же друзья всегда думают друг о друге: далекие дороги и долгие годы не разделяют добрых друзей. Если она мертва во плоти, то в моей памяти она все еще жива»⁵⁸. Еще менее мы знаем, было ли выполнено обещание Смерти вновь соединить со временем души «Пахаря» и Маргареты. Но одно мы знаем вполне достоверно. Йоханнес из Тепля, умирая, оставил после себя вдову — некую Клару. Возможно, «Пахарь» все-таки добился своей компенсации...

¹ Johannes von Tepl. Der Ackermann und der Tod. Text und Übertragung / hg. von Felix Genzmer. Stuttgart, 1991. S. 72 (Далее сноски на это издание специально не оговариваются).

² «alle dinge haben sich verkeret: das hinder hervur, das voder hin hinder, das vnder gen berge, das ober gen tale, das ebich an das rechte, das rechte an das ebich hat die meist menige volkes gekeret». — S. 60.

³ «Horet, horet, horet neue wunder! Grausam vnd vngehorte teidinge fechten vns an».

⁴ «Dannoch, sun, wer du bist, melde dich vnd lautmere, was dir leides von vns widerfaren sei, darvmb du vns so vnzimlich handelst, des wir vormals vngewonet sein...» — S. 4.

⁵ S. 30.

⁶ «Wene nicht, das du vnser herliche vnd gewaltige macht immer mugest geswechen». — S. 6.

⁷ «Dannoch nenne dich vnd versweig nicht, welcherlei sachen dir sei von vns so twenglicher gewalt begegnet. Rechtfertig wellen wir werden, rechtfertig ist vnser geferte. Wir wissen nicht, wes du vns so frevelich zeihest». — S. 6.

⁸ «Wir Tot, herre vnd gewaltigerauf erden, in der luft vnd meres strame». — S. 28.

⁹ S. 16.

¹⁰ S. 12.

¹¹ «Furste himelirischer massenie» — S. 22.

¹² «Herre von oberlanden, furste von vil selden» — S. 52.

¹³ S. 67.

¹⁴ «Vnd das wir dir rechte geraten haben, des komen».

¹⁵ «Werlich so stete vnd so geheure kam vns zu handen selten. Es sei dann die selbe die du meinst: anders wissen wir keine». — S. 8.

¹⁶ Можно перевести и как «волшебная палочка», но здесь, скорее всего, подразумевается «лоза» рудознатцев, указывающая на наличие ценных руд.

¹⁷ «Oder solten wir durch alfantzes, durch liebe oder durch leides willen die leute lassen leben, aller der werlte keisertum weren nu vnser, alle kunige hetten ir krone auf vnser haubet gesetzt, ir zepter in vnser hant geantwurt, des babstes stul mit seiner dreigekronten infel weren wir nu gewaltig». — S. 10—12.

¹⁸ «Physica mit iren mancherlei steurenden trenken» — S. 48.

¹⁹ «Juriste, der gewissenlos criste, hilfet da nicht mit rechtes vnd vnrechtes vursprechung, mit seinen krummen vrteilen». — S. 50.

²⁰ «Mer knechte dann herren sach ich tot ligen. Da klaubtet ir einen aus den anderen als die teigen biren. Ist das rechte gemeet? Ist das rechte gerichtet? Geet so ewer sense haw vur sich?»

²¹ «Richte, herre, rechte vber den falschen richter!» — S. 26.

²² «Du hast nicht aus der weisheit brunnen getrunken» — S. 16.

²³ «Ein kluger Esel» — S. 32.

²⁴ «ein vnuerrstendig welf bistu» — S. 16.

²⁵ «Von Eseldorf weiser gotling» — S. 44.

²⁶ «stumpfer pickel» — S. 40.

²⁷ «als vil als ein esel leiren kan, als vil kanstu die warheit vernemen». — S. 58.

²⁸ «Ir ist gutlich vnd genediglich geschehen: bei frolicher jugent, bei stolzem leibe, in besten lebetagen, in besten wiriden, an bester zeit, mit vngekrenkten eren haben wir sie in vnser genade empfangen». — S. 22.

²⁹ «Wee vnd vngemach im, wer mit alters burden wirt vberladen: bei allem reichum muß er arm wesen!» — S. 22.

³⁰ «als schiere ein mensche lebendig wirt, als schiere ist es alt genug zu sterben» — S. 36.

³¹ «eines ieglichen menschen schone muß entweder das alter oder der tot vernichten. Alle rosenfarbe mundlein müssen ascherfarb werden, alle rote wenglein müssen bleich werden, alle lichte euglein müssen tunkel werden». — S. 36.

³² «Weise mir ein hantvol schone frawen, die vor hundert jaren haben gelebet, aus genumen der gemalten an der wende, vnd habe dir des keisers krone zu eigen!... Laß rinnen den Rein als ander wasser...» — S. 44.

³³ «Weib, kint, schatz vnd alles irdisch gut muß etwas freuden am anfang vnd mere leides am ende bringen; alle irdische liebe muß zu leide werden: leit ist liebes ende...» — S. 20.

³⁴ «als balde ein man ein weib nimpt, als balde ist er selbender in vnser gefengnuß. Zuhant hat er einen hantslag, einen anhang, einen hantsliten, ein joch, ein kumat, ein burde, einen sweren last, einen fegeteufel, ein tegeliche rostfeile, der er mit rechte nicht enberen mag, die weile wir im nicht tun vnser genade. Ein beweibter mat hat doner, schawer, fuchse, slangen alle tage in seinem hause. Ein weib stellet alle tage darnach, das sie man werde: zeuchet er auf, so zeuchet sie nieder; wil er so, so wil sie sust; wil er dahin, so wil er dorthin — solches spiles wirt er sat vnd sigelos alle tage. Triegen, listen, smeichen, spinnen, liebkosen, widerburren, lachen, weinen kan sie wol in einem augenblicke; angeboren ist es sie. Siech zu arbeit, gesunt zu wollust, darzu zam vnd wilde ist sie, wann sie des bedarf». — S. 52.

³⁵ «Der nacht gebrechen sei aller vergessen; von alters wegen schemen wir vns». — S. 54.

³⁶ «Wann weibes vnd kinder habe ist nicht das minste teil der irdischen selden»; «kein mannes zucht kan wesen, sie sei dann gemeistert mit frawen zuchte»; «ein zuchtiges, schönes, keusches vnd an eren vnuerrucktes weib ist vor aller irdischer augelweide»; «wer in frawen dienste ist, der muß sich aller missetat anen»; «einer reinen frawen fingerdrown strafet vnd zuchtiget vur alle waffen einen frumen man»; «aller werlte aufhaltung, festung vnd merunge sint die werden frawen». — S. 54—56.

³⁷ «Ein mensche wirt in sunden empfangen, mit vnreinem, vngenantem vnflat in muterlichen leibe generet, nacket geboren vnd ist ein besmiret binstock, ein ganzer vnlust, ein vnreiner mit, ein kotfaß, ein wurmspeise, ein stankhaus, ein vnlustiger spulzuber, ein faules as, ein schimelkaste, ein bodenloser sack, ein locherete tasche, ein blasebalk, ein geitiger slunt, ein stinkender leimtigel, ein vbelriechender harnkrug, ein vbelsmeckender eimer, ein betriegender tockenschein, ein leimen raubhaus, ein vnsetig leschtrog vnd ein gemalte begrebnuß. Es merke wer da welle: ein iegliches ganz gewurktes mensche hat neun locher in seinem leibe, aus den allen fleusset so vnlustiger vnd vnreiner vnflat, das nicht vnreineres gewesen mag». — S. 44.

³⁸ «so werkberlichen kleinen kloß» — S. 46.

³⁹ «in die gotheit vnd darvber gar» — S. 46.

⁴⁰ «Wes sol ich mich nu frewen? Wo sol ich trost suchen? Wohin sol ich zuflucht haben? Wo sol ich heilstet finden? Wo sol ich getrewen rat holen?» — S. 20.

⁴¹ «lichte sumerblumen» — S. 6. (подразумевается, очевидно, цветок маргаритки).

⁴² «mein auserwelte turteltauben» — S. 6.

⁴³ «mein durchlustige augelweide» — S. 8.

⁴⁴ «mein erenreicher falke» — S. 12.

⁴⁵ «edel der geburte» — S. 12.

⁴⁶ «reich der eren, schon, frutig vnd vber alle ire gespilen gewachsener persone, warhaftig vnd zuchtig der worte, keusche des leibes, gutter vnd frolicher mitwonung». — S. 12.

⁴⁷ «kurz vnd lustsam war mir alle weile tag vnd nacht, in gleicher masse freudenreich, geudenreich sie beide» — S. 6.

⁴⁸ «in was wesens sol ich nu mein leben richten?» — S. 50.

⁴⁹ «die sint mir beide offen» — S. 50.

⁵⁰ «vnuolkumen, bruchig vnd etwe vil mit sunden fant ich sie alle» — S. 50.

⁵¹ «Weste ich, das mir in der ee gelingen solte als ee, in der wolte ich leben, die weile lebend were mein leben» — S. 52.

⁵² «Er sol den himel ansehen, dir mit aufgerackten henden danken alle tage».

⁵³ «Sage vns, do du am ersten dein lobelich weib namest, fandest du sie frum oder machtest du sie frum? Hast du sie frum gefunden, so suche vernunftiglichen! Du findest noch viele tüchtigen, reinen Frauen auf Erden, deren eine dir zur Ehe mag werden...» и так далее.

-
- ⁵⁴ S. 34.
⁵⁵ S. 40.
⁵⁶ S. 38.
⁵⁷ S. 70.
⁵⁸ S. 42.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ
(грант 00-01-00067а)